

Учит
Мажикенова

НА СТРЕМНИНЕ

Известному писателю, члену Союза писателей СССР и Казахстана с 1978 года, лауреату премий Союза кинематографистов, Союза журналистов, лауреату премии Международного PEN-клуба Адольфу Альфонсовичу Арцишевскому исполняется 80 лет.

Судьба его уникальна: в свои солидные годы он востребован, плодотворно и много трудится, выпуская одну за другой новые книги, к тому же еженедельно выдаёт актуальнейшие, интереснейшие статьи (порой и две) в газету «Central Asia Monitor», которые кто-то из журналистов весьма метко охарактеризовал «энциклопедией духовной жизни Казахстана».

– Герои ваших книг – люди особой стати. Они из тех, кто вносил и вносит свой вклад в духовную сокровищницу нашей страны. Писатели, врачи, люди науки, актёры театра и кино, музыканты, художники... Сотни неповторимых человеческих судеб. «Портрет современника в интерьере эпохи», «Бремя совестливых и мыслящих», «Неукротимая эпоха», «Грани молчания». И уже готова рукопись книги «Стремнина», она, как Вы говорите, всё о том же – о мыслящем нашем современнике. Очевидно, речь можно вести о целой серии книг, объединённых общим замыслом, идеей, в которых Вы продолжаете своеобразную летопись современного Казахстана? У большинства из ваших книг единое стилевое решение в оформлении – белоснежная суперобложка, чёрный шрифт названия...

– Это от моей крайней бедности, у меня нет средств на художественное оформление. И мы с издателем Рафиком Зиганшиным решили остановиться на таком вот варианте оформления обложек моих книг. Вы назвали одну из последних моих книжек – «Грани молчания», она о сокровенном, о музыке. В ней представлена вся палитра музыкальной жизни Казахстана. Я не музыковед, я дилетант, даже нот не знаю, умею брать лишь несколько аккордов на гитаре. Но я люблю классическую музыку, моя душа, моё сердце открыты ей. Это книга о тех, кто истово служил и служит музыке в меру сил своих и в меру своего таланта. «Бремя совестливых и мыслящих» – тоже об искусстве. О кино, о театре, о драматургах и сценаристах. А до этого был сборник «Этюды о врачах и фармацевтах» – история медицины с древнейших времён до наших дней. Я не собирался писать её специально, но в новейшие времена в течение пяти лет ради куска хлеба работал внештатником в

еженедельнике «Фармацевтический вестник Казахстана», каждый раз принося в номер разворот или полосу о врачах, начиная с древнейших времён и заканчивая нашими днями. «Этюды о врачевателях и фармацевтах» – второе издание, дополненное. В нем есть глава о медиках Казахстана XX века.

– *Кстати, подраздел книги «Врачи Казахстана. Век XX» моей семье особенно дорог. Здесь есть очерк о моем муже Жалдыбаеве Кидирали. Для врача-эндокринолога с почти сорокалетним стажем практической работы эта книга стала настоящим подарком. Как Вы знаете, он в последние годы тяжело болел, и частенько, когда совсем было тяжело, раскрывал эту книгу на той странице, где написано о нём. Конечно же, он в те минуты думал о том, что жизнь прожита не зря, что труд его оценён. И, конечно же, он радовался тому, что это признание пришло через совершенно постороннего человека, человека другой национальности, который просто так, бескорыстно, написал о нём, вложив частичку своей души.*

– Ученик Михаила Ефимовича Зельцера, Кидирали действительно был врачом от Бога. Я рад, что смог подарить ему эту книгу.

– *У Виктора Владимировича Бадикова есть просто удивительные строки о Вас: «Творческая и жизненная биография Адольфа Арцишевского неразделимы. Они в своём духовном единстве и даже зеркальности без всяких натяжек свидетельствуют о том, что перед нами безусловно феномен русской казахстанской литературы. Литературы маргинальной не просто по месту и времени, но и по духу. Оставаясь ментально русской, она черпает материал и вдохновение на иной этнической почве. Причём... самый минимум этнической экзотики. И максимум погружения в казахстанский человеческий материал, причём в новое время всё больше».*

– Тогда давайте назовём ещё одну книгу – «Прикосновение. Лики друзей». Это серия документальных рассказов о моих друзьях-соратниках. О Бахыте Каирбекове, об Олжасе Сулейменове (вы, конечно, знаете, как аукнулось мне редакторство его книги «Аз и Я»), о Бигельды Габдуллине, с которым творчески я связан уже многие годы. О Викторе Бадикове, Тамаре Мадзигон.

– *Почти одновременно с «Неукротимой эпохой» вышла и книга Виктора Бадикова «С вечностью наедине». Создаётся впечатление, что помимо особой миссии, видимо предначертанной Свыше, – собирать, объединять своих друзей, знакомых и незнакомых на страницах своих книг, воздавать им должное, рассказывая о них, их становлении, – у Вас ещё и миссия выпускать книги друзей, не успевших сделать это при жизни и ушедших в мир иной. Вы сумели издать четыре книги Виктора Бадикова – «Эхо жизни», «По гамбургскому счёту», «Книга про себя и про всех». А ещё вы как-то подарили мне книгу «Мальчик и гора»...*

– Тут особая история. К своему 75-летию я стал добиваться включения в план госзаказа выпуска книги «Портрет современника в интерьере эпохи». Директор издательства «Алаш» Нурлан Джапарович Туебеков сначала принял меня настороженно, но, когда прочитал мои тексты, настолько проникся написанным, что сразу же предложил приступить к выпуску следующей книги. И мы выпустили «Неукротимую эпоху». Туебеков попросил меня порекомендовать ещё кого-нибудь из достойных авторов. Я назвал Виктора Бадикова. Пятьдесят один год нашей жизни (вплоть до его трагической гибели) мы с ним плечом к плечу работали в литературе, были большими друзьями, и для меня было делом чести

к 75-летию Виктора Владимировича, доктора филологии, профессора выпустить его избранное – критические статьи и литературоведческие эссе. Нурлан Джапарович боролся, отстаивая книгу, как настоящий воин. Вообще-то я добивался этого издания к 70-летию Бадикова, но безрезультатно. И чтобы не было, как говорят в таких случаях, «чёрствого» юбилея, я сумел тогда за свой счёт выпустить книгу стихов, посвятив её Бадикову. Было несколько вариантов названия, но я выбрал самое дорогое, что лежало у сердца: «Берег бытия». Это название было задумано мною для нового романа, но ближайшему другу, Бадикову, я отдал его без колебаний.

А у книги, о которой Вы упомянули, двойное название – «Мальчик и гора. Река и горы». Она посвящена Славе Патрину, моему университетскому однокашнику, другу. Он был старше меня, и его одержимость писательством была заразительной. Вообще человеком он был удивительным. Уже будучи опытным журналистом, окончил речное училище, работал на Енисее штурманом большого пассажирского теплохода. Потом был машинистом башенного крана в Ярославле на Волге. Ему удалось выпустить одну-единственную книжечку детских рассказов «Мальчик и гора» в Красноярском книжном издательстве. Последние лет пятнадцать мы не виделись. И вдруг я узнаю, что он трагически ушёл из жизни. Тогда-то я и выпустил книжку, ему посвящённую. Я включил в неё и его рассказы «Мальчик и гора», и посвящённую ему свою документальную повесть «Река и горы», и подробное эссе о его творчестве «Искушение судьбой и словом».

– У Вас особенный стиль, своеобразный подход в освещении материала...

– Наверное, мои эссе и очерки не совсем соответствуют канонам жанра, равно как и герои этих очерков, они шире профессиональных и временных рамок. Артисты, писатели, журналисты, мои современники, выразители духа времени. Сагадат Нурмагамбетов, Герольд Бельгер, Сейдахмет Куттыкадам, Олег Борецкий... У меня есть большой очерк о работе Смагула Елубая над романом «Одинокая юрта». Мои статьи не носят научного характера, но их можно использовать в виде справочной литературы, материала для исследователей. Однажды я пошёл в Союз кинематографистов, чтобы передать сборник герою одного из моих очерков. Мне встретился режиссёр-кинодокументалист, и когда он увидел книгу, у него в буквальном смысле задрожали руки: «Это бесценный материал для кинодокументалистики».

Известный журналист Амантай Дандыгулов крайне озадачил меня однажды: «Вы должны написать историю духовной жизни современного Казахстана», – сказал он. Я растерялся даже: потяну ли я такой труд? Хотя... уже вышли книги «Нужна ли тетиве стрела?», «Лики друзей», «Бремя совестливых и мыслящих», «Портрет современника...», «Неукротимая эпоха». Книги эти, в сущности, уже фрагменты беллетризованной истории современной духовной жизни Казахстана.

– В одной статье о Бродском, 75-летие которого отмечалось недавно, встретилось необычное сравнение. Критик писал о нём, как о «поэте центробежном», что «он жил за счёт какой-то внешней экспансии: прозаизация поэзии, включение других каких-то культурных пластов». Возможно, я ошибаюсь, но Вы, несмотря на то что занимаетесь одновременно и публицистикой, и переводами, и редактированием, всё же относитесь к «поэтам центростремительным», если это сравнение применимо к Вам. Ваша проза кажется мне поэтизированной, вы вновь

и вновь возвращается к поэзии, ставя «другие культурные пласты» на службу поэзии, на службу литературе.

– Не могу судить об этом, но каждую свободную минутку, которая выдаётся в перерыве между основной работой (а это те два-три часа, когда я сдаю плановую статью, а очередная не завладела мною ещё, не заполонила), берусь за стихи. И вся моя жизнь состояла из того, что:

Я подгонял к словечку слово,
Освобождал слова от пут,
Крепил их звонкою подковой,
Благословляя фразу в путь.

Я вглядывался в смыслы жизни,
Пытаясь им найти слова.
От истины не общепризнанной
Порой кружилась голова.

И в забытьи томилось слово,
Не осознавшее пока,
Что в нём живёт первооснова,
Рассчитанная на века.

«В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»?.. Почти во все свои книги я включаю наряду с очерками и эссеистикой свои стихи, стараюсь совмещать, казалось бы, несовместимое. Мне немало лет, но у меня ощущение, что в моем распоряжении вечность.

– *История литературы знает подобных тружеников, поставлявших в газету (даже ежедневно) очередной рассказ. Результатом являлись целые сборники, выходявшие немалыми тиражами. При размышлениях о Вашем феномене (В. В. Бадиков) и Вашем месте в современной казахстанской литературе невольно вспоминается жизнь и творчество нидерландского писателя Симона Кармиггелта, проработавшего журналистом ежедневной газеты около сорока лет.*

– Тут любопытный парадокс: газета отнимает всё время моей жизни, и я пишу лишь то, что запланировано в номер, на прочее у меня просто нет времени. Но – мне интересно писать для газеты то, что я пишу. Причём всю жизнь я боролся с газетным словом. Писательство и работа в газете – вещи трудно совместимые. И я боролся с собой, с журналистом. А теперь понял: надо поставить писательское дело на службу журналистике. Я молю Бога, чтоб он не запечатал мои уста и не лишил ясности мысли, лёгкости сердца. Виктор Бадиков упрекал меня, что я не пишу роман о современности, говорил: закапываешь свой талант. Но когда взял в руки сборник «Нужна ли тетиве стрела?», то воскликнул: «Так вот же роман!» Конечно, я надеюсь, жизнь даст мне какое-то время, чтобы я успел написать давно задуманную книгу о нашем времени, о своей жизни; написать такое, чтобы цепляло, за душу брало. Если Вы прочитали материал о семилетнем мальчишке в одном из номеров нашей газеты, посвящённых Дню Победы, Вы поймёте меня. Мне интересно было беседовать с самим собой семидесятилетней давности. Так или иначе, это уже подступ к теме той заветной книги.

– Писатель оправдывает свою газетную подёницу тем, что «надо зарабатывать на жизнь, надо кормить семью». Не есть ли это предательство таланта? Но ведь история искусства знала многих тружеников, вынужденных зарабатывать хлеб своей насущной, работать по заказу. Ну вспомним хотя бы только великих – Баха, Моцарта. Став капельмейстером при дворе князя Леопольда, Бах, глубоко религиозный человек, был вынужден на какое-то время отойти от церковной музыки и сочинять светские произведения. Работая в Лейпцигской школе святого Фомы, он сочинял музыкальные опусы по заказу других церквей, городских властей, чтоб прокормить свою семью...

– Что ж, беру в сотоварищи Баха! – Адольф Альфонсович не может скрыть ироничной улыбки.

Он убеждён: отсутствие чувства юмора, быть может, самая невосполнимая беда. Жизнерадостный, жизнелюбивый человек, поражающий своим оптимизмом, активно живущий настоящим, заглядывающий с удивительным спокойствием в будущее. Он занимается любимым делом, он следует завету великого труженика поэта Николая Заболоцкого: душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь... Он похож на своих героев – так же истово служит своему делу, верен ему. Герои его эссе – писатели, артисты, художники, люди мира музыки, медицины, есть даже один винодел-виноградарь, занимающийся своим делом как поэзией, есть документальный рассказ и о нашем Первом Президенте. И их судьба – это и одновременно героические этапы пути страны. Как например, очерк о Серике Умбетове, прошедшем путь от грузчика до директора совхоза, министра, акима одной из областей Казахстана. Или очерк о Елеусине Сагындыкове, бывшем акиме Актюбинской области, сенаторе. В каждом рассказе автор затрагивает проблемы гуманности, ответственности за свои поступки, рассказывает о простых человеческих чувствах. В рассказе о Касыме Кайсенове мы сталкиваемся с великой трагедией человеческой души – как тяжело в конце своей долгой жизни осознавать, что ты повинен в смерти людей, даже если сделал это, защищая свою родину. Невольно опять-таки напрашивается параллель – роман-антология Милорада Павича «Бумажный театр», составленный из тридцати восьми рассказов, написанных самим автором от лица тридцати писателей тридцати восьми стран. Так же, как и в «Бумажном театре», в каждом очерке или эссе сборников Адольфа Арцишевского виден сам автор. Своей личностью и сквозной темой – поклонением-исследованием мощного всплеска творческого начала, силы человеческого духа, проявляющихся в переломные моменты истории, – он объединил их в единое целое. А, по мнению Милорада Павича, этого в XXI веке для романа достаточно.

То есть Адольф Арцишевский – летописец не только духовной жизни современного Казахстана, но и современной жизни вообще. Не проповедуя, ни на чем не настаивая, но отражая жизнь как есть, в её многообразных проявлениях. Можно только по-хорошему позавидовать его работоспособности и пожелать ему написать давно задуманную книгу, пожелать, чтобы и в самом деле в его распоряжении была вечность.

«...Коммуникабельность, способность мгновенно входить в контакт с мало-знакомым человеком практически любой профессии. И редкий дар не просто «разговорить» собеседника, заставить его думать вслух, но – умение слушать и

слышать», – так Арцишевский пишет о «последнем из могокан» – Камале Смаилове. Эту оценку можно смело отнести и в адрес самого автора очерка. Сам о себе он говорит: «Я интересен тем, что пишу об остальных». Что же, пожелаем ему, как говорят казахи, «жақсылығы қайтсын» – пусть воздастся сторицей.

Все его очерки прекрасны, каждый отличается от другого, они несхожи меж собой, как и люди, о которых пишет автор. Адольф Альфонсович – трудоголик. Это изнурительный труд – собирать материал и готовить еженедельно целую полосу в одну из центральных газет, причём не оставляя своего творчества – ни стихов, ни прозы: шестьдесят очерков только в книге «Портрет современника в интерьере эпохи». Адольф Арцишевский сам говорит об этом:

Я даже не веду дневник –
 Поймите, некогда, ей Богу!..
 Мелеет памяти родник,
 В былое позабыл дорогу.

Тиски быстротекущих дней
 И неизбежные цейтноты..
 И беспощадней и родней
 Сиюминутные заботы.

Седьмой десяток разменял,
 Но неотвязней, туже пути..
 Вы помолитесь за меня –
 Даже на это нет минуты.

Но ведь он втайне рад этому, он не может по-другому. «Надо бы выпустить книгу и покойного Виталия Старкова, найти бы время...» – сокрушается он. Патриарх писательского цеха даст фору молодым, он полон энергии, идёт в ногу со временем – проглядывает Интернет как свою собственную библиотеку.

И как знакомы человеку творческому эти метания: есть мысли, есть чувства, но слова ложатся не те, и надо продолжать писать. Надо продолжать, и они найдутся эти слова – искренние, достойные:

...Но вопреки сомненьям снова –
 Банальной рифме вопреки! –
 Пульсирует и дышит слово
 В тисках родившейся строки.

Чтобы жить в гармонии с самим собой, находиться в радужном настроении, необходимо, оказывается, все время быть занятым работой. А любая работа – это творчество (если отнестись соответственно, творчески). И только тогда даётся Свыше эта особая сила, эта тихая радость – жить в ладу с самим собой.

